

АУХАТОВ АДЕЛЬ ЯНОВИЧ

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИМЕНИМОГО К ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ ПРАВА
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВА РФ, ФРГ И ЕС)**

Специальность 12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право.
Семейное право. Международное частное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Казань-2005

Работа выполнена на кафедре конституционного и международного права государственного образовательного учреждения высшего и профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина».

Научный руководитель — доктор юридических наук,
профессор
Мингазов Ленарис Харисович

Официальные оппоненты — доктор юридических наук,
профессор
Волова Лариса Ивановна

кандидат юридических наук,
доцент
Абдуллин Адель Ильсиярович

Ведущая организация — Санкт-Петербургский государственный университет

Защита диссертации состоится 17 ноября 2005 г. в 14.00 час. на заседании Диссертационного совета Д.212.081.13. по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора юридических наук при Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18, ауд. 324.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан 15 октября 2005 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Каюмова А.Р.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Глобализация экономики в современном мире ведёт к тому, что юридические лица всё чаще выступают в трансграничных гражданско-правовых отношениях. Нередки случаи, когда компании, созданные на территории одного государства, не ограничиваются территорией этого государства, а осуществляют свою деятельность на территории других стран. В этой связи могут возникнуть некоторые вопросы: во-первых, в соответствии с каким правопорядком определяются внутренние и внешние правоотношения юридического лица, во-вторых, какой правопорядок является для юридического лица и, следовательно, для его личного закона, компетентным. Для развития международного сотрудничества определение применимого к юридическому лицу права является весьма важным.

В условиях, когда острота проблемы определения применимого к юридическим лицам права не вызывает сомнения, осмысление и разработка возможных путей разрешения вопросов, связанных с изменениями в коллизионно-правовом регулировании частноправового статуса юридических лиц становятся всё более необходимыми. Правовая безопасность и стабильность в трансграничных гражданско-правовых отношениях, а также успех интеграционных процессов будет зависеть от эффективности их решения.

На современном этапе коллизионно-правовое регулирование частноправового статуса компаний в Европейском Сообществе является одной из самых актуальных областей международного частного права: национальные коллизионные нормы законодательства государств-членов ЕС, регулирующие правовой статус компаний, проходят испытание на соответствие принципу свободы учреждения и экономической деятельности, закреплённому в ст.ст. 43 и 48 Договора об учреждении Европейского Сообщества. Своими решениями Суд Европейских Сообществ подверг изменению коллизионные правила государств-членов ЕС в области коллизионного регулирования правового статуса компаний, или, по крайней мере, значительно их ограничил. В качестве примера влияния права ЕС на национальное коллизионное право государств-членов ЕС в диссертационной работе исследовано право Федеративной Республики Германия.

Особого внимания заслуживает накопленный германской правовой наукой и судебной практикой опыт толкования права ЕС по рассматриваемой проблеме, а также сложившаяся германская правоприменительная практика после принятия Судом ЕС решений по делу «Überseering» и по делу «Inspire Art». Одними из первых в отечественной науке по МЧП нами даётся анализ судебных решений по делу «Überseering» и по делу «Inspire Art», имеющие важное значение для современного международного права компаний.

Для современной международной экономики и региональных интеграционных процессов беспрепятственное перенесение юридическим лицом своего административного центра имеет несомненно важное значение. Отсюда проблемы, возникающие в этой сфере, требуют научного осмысления и практического разрешения. Использование опыта ФРГ и других государств-членов ЕС в этом отношении представляется важным и необходимым.

Российская Федерация принимает активное участие в экономическом сотрудничестве в рамках Европы. Многие государства-члены ЕС являются экономическими партнёрами России и стран-участниц СНГ. Немаловажную роль в выборе для научного исследования права ФРГ сыграли бурно развивающиеся российско-германские политические, культурные и особенно экономические связи. Изучение права ЕС, а также государств-членов ЕС, становится объективной необходимостью, поскольку в последнее десятилетие активно развиваются политические, экономические и культурные отношения между РФ и Европейскими сообществами.

Новый этап развития системы коллизионного права России ознаменован с вступлением в действие с 01.03.2002 г. Третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации. Её принятие поставило перед наукой задачу изучения нового российского МЧП с учётом законодательства других европейских государств.

Положительный опыт иностранного законодательства, научной доктрины и судебной практики в области МЧП могут быть учтены российским законодателем при разработке и принятии соответствующих законодательных актов. Специального комплексного изучения проблемы определения применимого к юридическим лицам права с учётом современного российского и германского права и практики их применения, а также права ЕС и практики его применения до настоящего времени не предпринималось.

Изучение законодательства, доктрины и судебной практики РФ, ФРГ и ЕС в области МЧП по рассматриваемому кругу проблем представляет уже само по себе большой научный интерес. Новизну настоящему исследованию придаёт большое число использованных автором первоисточников (главным образом на немецком языке), которые впервые вводятся в отечественный научный оборот. Изучение и использование новых материалов дало возможность углубить освещение многих конкретных сторон проблемы коллизионно-правового регулирования частноправового статуса юридических лиц, обоснованнее сделать выводы и оценки.

Степень разработанности проблемы в правовой литературе. В отечественной науке МЧП исследований по вопросам определения применимого к юридическому лицу права, т.е. определения личного закона юридического лица, существует незначительное количество. Среди таких работ можно выделить научные труды известных российских учёных-правоведов М.И. Бруна, А.М. Городисского, А.М. Ладыженского, Л.А. Лунца и Л.Л. Суворова.

Вопросы личного закона юридического лица также рассматриваются в разделах учебников Л.П. Ануфриевой, М.М. Богуславского, В.П. Звекова, Л.А. Лунца, Т.Н. Нешатаевой, И.С. Перетерского и С.Б. Крылова.

В последнее время среди представителей западной, в частности германской юридической науки, наметился повышенный интерес к изучению проблем, связанных с личным законом юридических лиц. В отечественной же науке МЧП проблемам, связанным с определением применимого к юридическим лицам права, не придаётся особого внимания, кроме как отдельных комментариев. Как

правило, указанная тематика затрагивается в учебно-юридической литературе и в периодических изданиях лишь в самом общем плане.

В основном большая часть работ посвящена рассмотрению вопросов унификации и гармонизации материального права о компаниях в ЕС. Исследования в отношении проблем определения применимого к юридическим лицам права, т.е. определения их личного закона, перенесения местонахождения юридических лиц, а также о степени единообразия национальных правовых порядков в разрешении этих вопросов немногочисленны. К их числу можно отнести лишь труды таких учёных как А.В. Асосков, Е.А. Дубовицкая, О.В. Кадышева и Ю.М. Юмашев. Специального комплексного изучения предмета данного диссертационного исследования с учетом современного российского, германского и европейского права и практики их применения до настоящего времени не предпринималось. Настоящее исследование призвано восполнить сложившийся пробел в отечественной науке МЧП.

Кроме того, вопросам совместимости теории оседлости со свободой учреждения и экономической деятельности компаний в ЕС, гарантированной Договором об учреждении ЕС уделялось внимание в работах Е.А. Дубовицкой и О.В. Кадышевой. Вместе с тем, следует отметить, что информация, содержащаяся в работах указанных авторов несколько устарела, поскольку за достаточно короткий период времени произошли значительные изменения в интересующей нас области.

Большинство модифицированных теорий определения применимого к юридическим лицам права не освещены в российской юридической литературе, только теория наложения и учение о дифференцированности удостоились внимания в публикациях Л.Л. Суворова и О.В. Кадышевой. Таким образом, исследований современных проблем определения применимого к юридическим лицам права явно недостаточно. Автор диссертационного исследования постарался восполнить этот пробел в отечественной науке МЧП.

Проблемы определения применимого к юридическому лицу права рассматриваются в работах германских правоведов, таких как К. ф. Бар, П. Беренс, Г. Бейтцке, М.-Ф. Веллер, Х. Видеманн, Г. Гейс, Г. Грасманн, Б. Гросфельд, Х. Гроте, П. Доральт, Т. Калигин, Г. Кегель, П. Киндлер, Х.-Г. Коппенштейнер, В. Крузе, Я. Крополлер, Л. Раапе, С. Роде, О. Сандрок, Я. А. Терстееген, Д. Циммер, К.-Т. Эбенрот.

Однако учёными России и Германии не ставилась и не была решена задача сопоставления германского права и практики его применения и российского права и практики его применения в указанной сфере. Сравнительно-правовые исследования по тематике диссертационного исследования отсутствуют как в российской, так и в германской юридической литературе.

Актуальность вышеназванных проблем, недостаточная степень их научной разработанности и несомненная практическая значимость определили выбор темы диссертационного исследования, постановку его цели и задач.

Предметом исследования являются широкий круг нормативных актов, положений международных конвенций и судебных решений, проектов национальных и международных актов, теоретических взглядов на методологические

проблемы определения применимого к юридическим лицам права, т.е. для определения их личного закона. При этом анализируются как действующие источники права, так и акты, которые не вступили в силу, либо прекратили своё действие, но представляют интерес с научной точки зрения. Значительное внимание в диссертационной работе уделяется проектам национальных и международных актов в интересующей нас области. В ряде случаев (например, по вопросам модифицированных теорий определения применимого к юридическим лицам права) в центре внимания, вследствие недостаточной развитости правового регулирования тех или иных явлений действительности, находятся доктринальные взгляды исследователей.

Научное исследование включает не только обособленный анализ, но и изучение сходств и различий правовых систем РФ и ФРГ, а также правовой системы ЕС в сфере коллизионно-правового регулирования частноправового статуса юридических лиц.

Автор не ставил задачу изучения особенностей правового регулирования допуска иностранных организаций к деятельности внутри страны, а также предоставления различных режимов осуществления хозяйственной деятельности иностранным организациям. Исследование этих проблем выходит за рамки данной диссертационной работы.

Настоящая работа касается только организаций частного права. В данной научной работе вопросы определения применимого к организациям публичного права (например, к международным организациям) не затрагиваются. В рамках настоящего исследования термины «юридическое лицо», «организация», «предприятие», «компания», «общество», «товарищество», а также термины «личный закон» и «личный статут» употребляются как синонимы, если только в диссертации специально не оговорено иного.

Цели и задачи диссертационного исследования. Главной целью настоящего диссертационного исследования являются комплексный, насколько это возможно в рамках диссертационного исследования, анализ правовой категории личного закона юридического лица, его содержания и правового значения, анализ критериев (теорий, доктрин, признаков) определения личного закона юридического лица, т.е. определения применимого к юридическому лицу права.

Целью диссертационного исследования является также сравнительный анализ отечественного и германского механизмов правового регулирования определения применимого к юридическим лицам права для выявления и разработки путей практического решения актуальных российских проблем, в том числе проблемы отыскания наиболее приемлемого для современной экономики и региональных интеграционных процессов критерия определения личного закона юридического лица и связанной с ним возможности переноса местонахождения юридического лица, с учётом положительного опыта ФРГ и ЕС; системный анализ критериев определения личного закона юридического лица в праве России и Германии, сопоставление российского и германского коллизионно-правового регулирования частноправового статуса юридического лица, и

определение возможностей совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики в данной области.

Реализация поставленных целей предопределила необходимость решения следующих **задач**:

- определить понятие, специфические черты и функции личного закона юридического лица, а также сферы его применения;
- исследовать процесс эволюции определения применимого к юридическому лицу права в России и Германии;
- проанализировать и уточнить основные положения современного законодательства, научной доктрины и судебной практики РФ, ФРГ и ЕС в сфере коллизионно-правового регулирования частноправового статуса юридического лица;
- выявить недостаточно разработанные и требующие внесения изменений и дополнений положения ГК РФ, обуславливающих возникновение проблем в правоприменительной деятельности;
- проанализировать свойства и общие признаки критериев (теорий, доктрин) определения личного закона юридического лица, выявить их отрицательные и положительные характеристики. Обосновать наиболее приемлемый для современных экономических и интеграционных процессов критерий (теорию, доктрину) определения применимого к юридическому лицу права, т.е. его личного закона;
- определить действие теории инкорпорации и теории оседлости при перенесении местонахождения юридического лица. Сравнительный анализ возможных правовых последствий перенесения юридическим лицом своего местонахождения за границу и из-за границы по праву РФ и ФРГ, а также некоторых других стран ЕС;
- осуществить анализ нетрадиционных, модифицированных теорий определения применимого к юридическому лицу права;
- осуществить анализ положений Договора об учреждении ЕС, закрепляющих свободу учреждения и экономической деятельности компаний в ЕС;
- показать влияние права ЕС на право государств-членов ЕС в области коллизионного регулирования статуса компаний;
- разработать предложения по дальнейшему совершенствованию действующего по рассматриваемому кругу вопросов законодательства России.

В качестве **объекта** исследования выступает процесс эволюции основных институтов российского МЧП в направлении повышения эффективности норм об определении применимого к юридическим лицам права в условиях рыночных преобразований и интеграционных процессов.

Методологическая и теоретическая основы исследования формируются в процессе широкого использования концептуальных выводов, теоретических положений, гипотез, представленных и обоснованных в современных разработках отечественных и германских правоведов по проблемам коллизионно-правового регулирования частноправового статуса юридических лиц. Автор руководствовался концептуальными положениями общей теории государства и права.

В процессе научного исследования использовались теоретические подходы, отражённые в трудах таких отечественных учёных в области гражданского права, МЧП, международного публичного права и европейского права, как А.В. Асосков, Л.П. Ануфриева, Г.Я. Бакирова, М.М. Богуславский, М.И. Брун, Н.Г. Вилкова, А.М. Городисский, А.Н. Гуев, Г.К. Дмитриева, Е.А. Дубовицкая, И.В. Елисеев, В.П. Звеков, О.В. Кадышева, А.С. Комаров, С.Б. Крылов, С.И. Крупко, А.М. Ладыженский, Л.А. Лунц, И.А. Ляликова, Т.Н. Нешатаева, А.Л. Маковский, Л.Х. Мингазов, И.С. Перетерский, М.Г. Розенберг, Л.Л. Суворов, Ю.В., Б.Н. Топорнин, Х.Р. Шамсиев, Ю.М. Юмашев и др.

Автором использовались работы иностранных авторов, связанные с проблематикой диссертации, в частности, таких как: К. ф. Бар, П. Беренс, Г. Бейтцке, М.-Ф. Веллер, Х. Видеманн, П. Винклер фон Моренфельс, М. Вольф, П. Гей, Х. Гейс, Г. Грасманн, Б. Гросфельд, Х. Гроте, Я. Хоффманн, К.-Т. Эбенрот, М. Иссад, Г. Кегель, Х. Кётц, П. Киндлер, Х. Кох, В. Крузе, Я. Крополлер, Ф. Лорман, У. Магнус, В. Мейлике, А. Мюллер-Драйвер, С. Наппенбах, П. Норт, Т. Пантен, Л. Раапе, Э. Рабель, С. Роде, О. Сандрок, Я. А. Терстееген, Д. Циммер, Дж. Чешир, Х. Шак, Г.К. Шварц и др.

В ходе реализации задач научного исследования на диалектико-материалистической основе в рамках системного подхода автором использованы общие методы познания: анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, а также частные методы изучения правовых явлений: исторический, логический, метод сравнения и др. Закономерным явилось обращение к таким приёмам сбора и обработки эмпирического материала, как интервьюирование практических работников, а также консультация с ними.

Нормативную и эмпирическую основу диссертационного исследования составили: во-первых, нормативно-правовые акты как российского, так и зарубежного права; во-вторых, межгосударственные соглашения РФ и ФРГ с другими государствами; в-третьих, Договор об учреждении ЕС, регламенты и директивы ЕС. Кроме того, были привлечены проекты некоторых директив ЕС, проекты международных конвенций, проекты раздела VI «Международное частное право» Третьей части ГК РФ и Вводного закона к Гражданскому уложению Германии, а также материалы судопроизводства российских и германских судов и практика Суда ЕС.

Научная новизна исследования обусловлена самой постановкой проблемы. Важнейшими аспектами научной новизны диссертационного исследования являются:

- обоснована соответствующая сегодняшним экономическим и интеграционным потребностям государств теория (критерий) определения применимого к юридическому лицу права, т.е. его личного закона;
- проведён критический анализ всех имеющихся в настоящее время нетрадиционных теорий определения применимого к юридическому лицу права, выдвинутые западной преимущественно германской правовой наукой;
- изучено историческое развитие коллизионно-правового регулирования частноправового статуса юридических лиц в праве России и Германии;

- выявлены и раскрыты нуждающиеся в изменении недостаточно разработанные положения ГК РФ об определении личного закона юридического лица и личного закона организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, а также о праве, подлежащем применению к договору о создании юридического лица с иностранным участием;
- изучены правила определения личного закона юридического лица и сферы его применения по российскому и германскому МЧП и раскрыто их содержание;
- определена степень единообразия коллизионно-правового регулирования частноправового статуса компаний на уровне ЕС;
- введены в отечественный научный оборот экспертные оценки германских специалистов о современном состоянии германского и европейского права в области определения применимого к юридическим лицам права;
- внесены предложения по совершенствованию российского законодательства в области определения личного закона юридического лица и личного закона организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, а также о праве, подлежащем применению к договору о создании юридического лица с иностранным участием.

Проведённое исследование позволило сформулировать и обосновать следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Единство коллизионно-правового регулирования достигается закреплением в российском и германском правопорядках единой коллизионной нормы в отношении договора о создании юридического лица с иностранным участием и личного закона юридического лица, установление которой является целесообразным и приемлемым для стабильности правового оборота. В России такой формулой прикрепления является место учреждения, а в Германии – местонахождение административного центра юридического лица.

2. В диссертации обоснован тезис о том, что единый личный закон юридического лица не следует подвергать расщеплению, так как существует тесная связь между внутренними и внешними отношениями юридического лица. Множество модифицированных теорий определения личного закона юридического лица базируются на принципе расщепления единого личного закона юридического лица и подчинения вопросов, входящих в сферу его регулирования разным коллизионным привязкам. По мнению автора работы, расщепление единого личного закона юридического лица, подчинение его различным коллизионным привязкам может стать причиной смешения правовых норм различных правопорядков, что, в свою очередь, может привести к неопределённости правового регулирования.

3. Перенесение местонахождения юридического лица российского права за границу является возможным, если внесены изменения в учредительные документы этого юридического лица и проведена их государственная регистрация в РФ, а также, если законодательство иностранного государства, в которое переносится местонахождение юридического лица, не предъявляет особые требования к этому процессу.

4. В рамках ЕС отсутствует единообразное коллизивно-правовое регулирование частноправового статуса компаний. Решение Суда ЕС по делу «Überseering» даёт возможность лишь компаниям государств-членов ЕС, где господствует теория инкорпорации, переносить местонахождение своего правления в какое-либо другое государство-член ЕС. В тех же государствах-членах ЕС, где преобладает теория оседлости, перенесение местонахождения правления компании за границу сопряжено со значительными трудностями, поскольку такая компания будет ликвидирована. Таким образом, Судом ЕС не был полностью установлен единый критерий определения личного закона компаний, который удовлетворял бы потребностям интеграционного объединения и не противоречил бы положениям о свободе учреждения и экономической деятельности компаний, гарантированной Договором об учреждении ЕС.

5. Использование теории оседлости в рамках ЕС для определения применимого к компаниям права противоречит Договору об учреждении ЕС в области свободы учреждения и экономической деятельности компаний, так как препятствует формированию и функционированию Общего рынка, международной торговли и конкуренции в ЕС.

6. Напротив, применение теории инкорпорации способствует всеобъемлющей свободе учреждения и экономической деятельности компаний в рамках региональных интеграционных объединений государств, таких как ЕС и СНГ. Это объясняется, по мнению диссертанта, тем, что компании государств-членов будут обладать возможностью беспрепятственно переносить своё местонахождение из одного государства-члена в другое с сохранением своей прежней правоспособности и без смены применимого к компании права. Это имеет решающее значение как для современной российской экономики, так и экономики СНГ и ЕС.

7. В работе обоснованы и сформулированы следующие предложения по совершенствованию законодательства РФ:

а. В названии ст. 1202 ГК РФ, в п. 1 и в предл. 1 п. 2 ст. 1202 ГК РФ термин «юридическое лицо» целесообразно заменить термином «организация», так как это даст возможность правоприменителю чётко определить и классифицировать ту или иную организацию под соответствующую статью ГК РФ. Сравнительный анализ права РФ и ФРГ показал, что понятие «организация» является собирательным. Оно вбирает в себя такие категории как «юридическое лицо», «организация, не являющаяся юридическим лицом», т.е. охватывает юридические лица, компании, иные корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, а также любые другие организации, не обладающие правосубъектностью юридического лица. Термин «организация» обладает необходимой степенью гибкости, «обобщённости» и широким содержанием.

б. Из редакции пп. 1 п. 2 ст. 1202 ГК РФ целесообразно убрать слова «в качестве юридического лица» и оставить одно лишь словосочетание «статус организации», поскольку организация может быть как юридическим лицом, так и организацией, таковой не являющейся.

в. В подпунктах 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 п. 2 ст. 1202 ГК РФ термин «юридическое лицо» следует заменить термином «организация», поскольку это будет соответствовать основному замыслу предложенного изменения ст.ст. 1202 и 1203 ГК РФ.

г. В п. 3 ст. 1202 ГК РФ представляется целесообразным заменить термин «юридическое лицо» термином «организация».

д. В дополнение к ст. 1202 ГК РФ автор считает целесообразным включить дополнительный пункт 4, который с некоторыми изменениями заимствован из редакции п. 2 ст. 1203 ГК РФ. Предлагается изложить его в следующей редакции:

«К деятельности организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, если применимым является российское право, соответственно применяются правила настоящего Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа отношения».

е. Исключить статью 1203 из ГК РФ, поскольку с учётом вышеперечисленных изменений и дополнений ст. 1202 ГК РФ, пропадает надобность в этой статье.

С учётом предлагаемых изменений и дополнений ст.ст. 1202 и 1203 ГК РФ, возможным законодательным решением, удовлетворяющим требованиям современного развития МЧП, было бы принятие новой статьи 1202 ГК РФ, изложив её в следующей редакции:

«Статья 1202. Личный закон организации

1. Личным законом организации считается право страны, где учреждена организация.
2. На основе личного закона организации определяются, в частности:
 - 1) статус организации;
 - 2) организационно-правовая форма организации;
 - 3) требования к наименованию организации;
 - 4) вопросы создания, реорганизации и ликвидации организации, в том числе вопросы правопреемства;
 - 5) содержание правоспособности организации;
 - 6) порядок приобретения организацией гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей;
 - 7) внутренние отношения, в том числе отношения организации с её участниками;
 - 8) способность организации отвечать по своим обязательствам.
3. Организация не может ссылаться на ограничение полномочий его органа или представителя на совершение сделки, неизвестное праву страны, в которой орган или представитель организации совершил сделку, за исключением случаев, когда будет доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об указанном ограничении.
4. К деятельности организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, если применимым является российское право, со-

ответственно применяются правила настоящего Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа отношения».

ж. Внести изменения в наименование и содержание ст. 1214 ГК РФ, а именно предлагается изменить термин «юридическое лицо» на термин «организация», который более соответствует современным потребностям международного частноправового регулирования, чем термин «юридическое лицо».

Наиболее приемлемым решением, было бы принятие российским законодателем ст. 1214 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 1214. Право, подлежащее применению к договору о создании организации с иностранным участием

К договору о создании организации с иностранным участием применяется право страны, в которой согласно договору подлежит учреждению организация».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Научная значимость диссертационного исследования обусловливается тем, что в отечественной науке МЧП впервые на основе сравнительно-правового анализа проведено комплексное исследование проблемы определения применимого к юридическому лицу права.

Впервые на диссертационном уровне проведено сравнительное исследование путём сопоставления российского права и практики его применения с германским правом и практикой его применения. Автором подробно изучены как преимущества, так и недостатки закреплённых в законодательстве или применяемых в доктрине и судебной практике РФ и ФРГ коллизионных формулировок, а также преимущества и недостатки традиционных и модифицированных теорий определения личного закона юридического лица. Это позволило сделать обоснованные с научной точки зрения выводы и сформулировать рекомендации о наиболее предпочтительных направлениях совершенствования правового регулирования в этой области.

Научный интерес представляют также:

- сформулированные автором выводы о наиболее предпочтительных для современных экономических и интеграционных потребностей критериях определения личного закона юридического лица;
- подробный обзор опыта региональной унификации вопросов, связанных с коллизионно-правовым регулированием частноправового статуса компаний на уровне ЕС;
- введение в научный оборот нормативно-правовых актов ЕС, имеющих коллизионно-правовое значение для регулирования компаний.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные выводы и рекомендации, содержащиеся в нём, могут быть использованы для дальнейшей разработки и совершенствования норм российского МЧП и механизма его практического применения, развития судебной практики по соответствующей категории дел. Сформулированные в диссертации выводы и предложения могут, по мнению автора, создать определённую теоре-

тико-методологическую базу нормотворческой деятельности органов государственной власти России и государств-участников СНГ.

Положения диссертации могут представлять интерес в процессе международно-договорной регламентации частноправового статуса юридических лиц, а также могут служить аргументацией при осуществлении дипломатической защиты российских участников трансграничных экономических отношений, находящихся в других государствах.

Результаты исследования также могут быть востребованы в ходе дальнейшей теоретической разработки проблем коллизионно-правового регулирования частноправового статуса юридических лиц. Отдельные положения исследовательской работы могут быть использованы в преподавании курсов МЧП и сравнительного правоведения, а также специальных курсов по вопросам внешнеэкономической деятельности и международного экономического сотрудничества в системе высшего профессионального образования, прежде всего для студентов юридических и экономических специальностей.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре конституционного и международного права юридического факультета КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина.

Диссертант провёл апробацию представленных в настоящем диссертационном исследовании положений в ходе подготовки и представления справки «О международных договорах, заключенных ФРГ с иностранными государствами» для Управления делами Президента Российской Федерации, ФГУП «Предприятие по управлению собственностью за рубежом».

Положения диссертационного исследования нашли своё отражение в процессе проведённых исследований в Институте Европейского и международного частного и процессуального права при Университете им. Христиана Альбрехта (г. Киль, ФРГ). Концептуальные положения исследования были представлены в виде научных сообщений, рассмотрены и получили одобрение в рамках подготовки и защиты магистерской диссертации на соискание степени магистра права (LL.M.) на юридическом факультете Университета им. Христиана Альбрехта.

Отдельные положения диссертации апробированы автором в докладах и выступлениях на научно-практических семинарах, посвящённых Международному корпоративному и банковскому праву, а также Новому Европейскому международному деликтному праву, состоявшихся в Университете им. Христиана-Альбрехта (г. Киль, ФРГ) в ноябре 2003 г. и июне 2004 г.

Основные положения и выводы диссертации также отражены в опубликованных автором 6 научных статьях.

Структура диссертации определяется содержанием темы, целями и задачами исследования, необходимостью логичного изложения материала. Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих в себя 6 параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы и перечня международных, законодательных и иных нормативно-правовых актов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении даётся обоснование актуальности, научной новизны и практической значимости диссертации, определяются цель и задачи диссертации, её теоретические и методологические основы, формулируются положения, выносимые на защиту, а также указывается на апробацию результатов исследования.

Глава 1. «Понятие и сущность личного закона юридического лица и организации, не являющейся юридическим лицом» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе – «Понятие правовой категории «личный закон юридического лица» и сфера его применения в российском и германском международном частном праве» – рассматривается правовая категория «личный закон юридического лица», сфера его применения по российскому и германскому праву. Раскрывается значение правовой категории «личный закон юридического лица» в современных трансграничных гражданско-правовых отношениях. Термин «личный закон юридического лица» («личный статут юридического лица») является правомерным и юридически точным понятием, употребляемым применительно к юридическим лицам. Это та правовая категория, которая традиционно применяется как в отечественной, так и в зарубежной, в частности германской доктрине МЧП, когда речь идёт о коллизионно-правовом регулировании юридических лиц. Личный закон юридического лица или статут юридического лица – это определяемое на основании коллизионной нормы право, которое подлежит применению к совокупности отношений, связанных с правосубъектностью юридического лица и осложнённых иностранным элементом, или, по крайней мере, к основной части таких отношений.

Значение личного закона юридического лица состоит в том, что он позволяет предметно определить круг вопросов, относимых к частноправовому статусу юридического лица. Российский законодатель, основываясь на принципе единого личного закона, закрепил в п. 2 ст. 1202 ГК РФ вопросы, которые входят в сферу действия личного закона юридического лица. Перечень вопросов, закреплённый в п. 2 ст. 1202 ГК РФ не является закрытым. Отсюда правопорядком страны, выступающим в качестве личного закона юридического лица, могут охватываться и некоторые иные аспекты существования и деятельности юридического лица.

В ст. 1203 ГК РФ в противоположность ст. 1202 ГК РФ не перечислены вопросы, которые определяются на основе личного закона иностранной организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву. На наш взгляд законодатель решил подобным образом избежать лишних повторений. Поскольку само собой разумеется, что постановка всех вопросов, связанных с осуществлением деятельности иностранной организацией, правомочна лишь при определении вышеназванных вопросов, которые охватываются личным законом юридического лица и закрепляются в п. 2 ст. 1202 ГК РФ.

Из содержания п. 2 ст. 1202 ГК РФ видно, что личный закон юридического лица применяется для решения частноправовых вопросов. При этом речь идёт, прежде всего, о классификации иностранной организации в качестве участвующего правового субъекта в частноправовых имущественных отношениях.

Следовательно, личный закон является решающим во всех вопросах, касающихся организации как таковой.

Германская доктрина и судебная практика очертили круг вопросов, определяемых на основе личного закона юридического лица. Так, сфера действия личного закона юридического лица распространяется на следующие вопросы: учреждение и прекращение компании; право- и дееспособность компании; гражданско-процессуальная правоспособность и гражданско-процессуальная дееспособность компании; наименование компании; организационная структура компании; ответственность компании и субсидиарная ответственность её учредителей (участников) по долгам компании.

Отсутствие в германском праве законодательного закрепления сферы применения личного закона компании связано, прежде всего, с тем, что германские суды получают необходимую свободу в решении вопроса: какой именно предмет коллизионной привязки относится к сфере действия личного закона компании? Достаточная гибкость такого регулирования позволяет судам в зависимости от необходимости ограничивать или расширять круг вопросов, входящих в личный статут компании.

Во втором параграфе – «Определение личного закона юридического лица по российскому и германскому праву» – анализируются источники российского и германского права, в которых закрепляется правила определения применимого к юридическому лицу права, т.е. определения его личного закона. Впервые в истории российского законодательства, в частности в ГК РФ, появились понятия «личный закон юридического лица» (ст. 1202 ГК РФ) и «личный закон иностранной организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву» (ст. 1203 ГК РФ). Введение термина «личный закон» имеет чрезвычайно важное и прогрессивное значение, поскольку он более точен и соответствует требованиям современного правового оборота.

Российский законодатель рассматривает юридические лица и организации, не являющиеся юридическими лицами по иностранному праву, обособленно, предусматривая для обоих типов организаций две отдельные статьи. В тоже время для определения их личного закона закон предусматривает один единый коллизионный критерий – право страны, где юридическое лицо или организация, не являющаяся юридическим лицом по иностранному праву, были учреждены. Важно обратить внимание на то, что правило п. 1 ст. 1202 ГК РФ является двусторонней коллизионной нормой, а п. 1 ст. 1203 ГК РФ содержит одностороннюю коллизионную привязку.

Сегодняшняя редакция ст.ст. 1202 и 1203 ГК РФ представляется не совсем удачной. Вместо двух статей целесообразно сформулировать одну статью, которая соответствовала бы современным требованиям МЧП. Названия вышеуказанных статей ГК РФ свидетельствуют о слишком сильном влиянии на российского законодателя национального гражданского материального права, где практически все организации являются юридическими лицами.

По мнению диссертанта, коллизионно-правовая норма должна обладать необходимой степенью гибкости и абстрактности, чтобы быть применимой ко всему тому кругу правоотношений, на регулирование которых она направлена.

Юридические термины, закреплённые в коллизионной норме, должны обеспечить наиболее быструю, рациональную и полную квалификацию иностранных юридических институтов, и тем самым дать реальную возможность воплотить цель этой нормы – отыскать право применимое для соответствующего правоотношения.

Национальный законодатель, формулируя коллизионную норму, должен рассматривать проблематику с позиций «мирового законодателя», для которого известны различия, существующие в материальном праве других правовых порядков, в частности различия организационно-правовых форм компаний. МЧП может оставаться развитым только при ориентации на внешний мир. Коллизионная норма, не соответствующая современным потребностям развития международных гражданско-правовых отношений и современному развитию МЧП, может нанести ущерб развитию интернационализации экономики и взаимных интеграционных процессов.

Следующие предложения позволят усовершенствовать законодательство РФ по рассматриваемому кругу вопросов для того, чтобы законодательство РФ соответствовало современным мировым стандартам и тенденциям в МЧП. По мнению диссертанта, термин «юридическое лицо» в ст. 1202 ГК РФ следует заменить более нейтральным, широким по объёму, общим правовым термином «организация». Термин «организация» вбирает в себя такие понятия как «юридическое лицо», так и «организация, не являющаяся юридическим лицом», т.е. охватывает юридические лица, компании, иные корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, а также любые другие организации, не обладающие правосубъектностью юридического лица. Анализ нормативных и подведомственных актов РФ показывает, что термин «организация» не является чуждым для российского законодательства. В качестве альтернативы термину «организация» можно использовать термин «правовое образование» или термин «компания». Но поскольку термин «организация» чаще используется в отечественном законодательстве, то ему и следует отдать предпочтение. Нужно отметить, что термин «компания» часто встречается в международных соглашениях РФ с иностранными государствами. В законодательстве некоторых зарубежных стран (Италия, Лихтенштейн и Швейцария) встречаются довольно удачные формулировки, которые позволяют определить личный закон правового образования, вне зависимости от того является ли оно юридическим лицом или нет.

Приемлемым законодательным решением, удовлетворяющим требованиям современного развития МЧП и предотвращающим названные нами выше проблемы, было бы принятие новой статьи 1202 ГК РФ (См. п. 7 положений, выносимых на защиту).

Диссертант считает, что сегодняшняя редакция ст. 1214 ГК РФ, а именно её название и формулировка коллизионной нормы, представляется спорным. На наш взгляд, целесообразно заменить термин «юридическое лицо» на термин «организация». Коллизионная норма, закреплённая в ст. 1214 ГК РФ, является двусторонней. По этой причине уместнее было бы говорить о договоре о создании организации с иностранным участием. С учётом вышеизложенного целесо-

образным представляется внести изменения в наименование и содержание ст. 1214 ГК РФ, а именно изменить термин «юридическое лицо» на термин «организация». Наиболее приемлемым решением, было бы принятие российским законодателем ст. 1214 ГК РФ в новой редакции (См. п. 7 положений, выносимых на защиту).

Вводный закон к Германскому гражданскому уложению не содержит предписаний, касающихся определения личного закона компании. В германском праве ни термин «личный закон юридического лица» или «личный закон компании» соответственно, ни определение личного закона юридического лица законодательно не закреплены. Германская правовая наука и судебная практика восполняют пробел в этой сфере.

Как в России, так и в Германии коллизионные нормы, регулирующие правовой статус иностранных юридических лиц, имеют также как и коллизионные нормы, регулирующие статус физических лиц, трёхуровневую структуру: во-первых, национальное право; во-вторых, двусторонние межгосударственные соглашения и, в-третьих, многосторонние межгосударственные соглашения. В международных договорах как РФ, так и ФРГ отсутствует всеобъемлющее решение коллизионных вопросов, связанных с правосубъектностью юридических лиц, которое содержится, например, в ст. 1202 ГК РФ. Положительной чертой заключения дву- и многосторонних международных договоров является то, что они позволяют в определённой мере устранить возможную несогласованность в коллизионно-правовом регулировании юридических лиц. Однако следует подчеркнуть, что, в отличие от РФ, на правовую систему ФРГ непосредственное воздействие оказывают правовые акты ЕС.

Германская научная доктрина МЧП и судебная практика рассматривают юридические лица и организации, не являющиеся таковыми, одинаково, не проводя разделения между ними для целей определения применимого к ним права. Термин «юридическое лицо» рассматривается в германском коллизионном праве в широком значении. По этой причине в германском МЧП и употребляются два единых термина – «личный закон юридического лица» (*Personalstatut der juristischen Person*) и «личный статут компании» (*Gesellschaftsstatut*). Термин «компания», также как и термин «организация» обладает необходимой абстрактностью и является широким по содержанию, поскольку под него можно квалифицировать как юридическое лицо, так и организацию, не являющуюся юридическим лицом. Необходимо отметить, что и в международных договорах ФРГ с другими государствами термин «юридическое лицо» либо термин «компания» часто понимается в широком смысле.

ГЛАВА 2. «Критерии (теории, доктрины) определения применимого к юридическому лицу права» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе – «Традиционные критерии (теории, доктрины) определения применимого к юридическому лицу права» - исследуются наиболее известные доктрине и практике различных государств критерии (теории, доктрины) определения применимого к юридическому лицу права, а именно теория оседлости, теория инкорпорации, теория контроля и теория центра эксплуатации.

Судебная практика и господствующая доктрина в Германии, так же как и большинство стран континентальной Европы придерживаются *теории оседлости* (Австрия, Бельгия, Греция, Испания, Латвия, Литва, Люксембург, Польша, Португалия, Франция). Следует отметить, что в последнее время в рамках ЕС теория оседлости подверглась значительным ограничениям.

Причиной того, что теория оседлости не нашла законодательного закрепления в Германии было то, что она была признана в качестве господствующей как доктриной, так и судебной практикой.

Согласно теории оседлости личный закон юридического лица определяется по праву того государства, в котором юридическое лицо имеет фактическое местонахождение, т.е. по праву того государства, где осуществляется фактическое управление этим юридическим лицом. Теория оседлости требует реального местонахождения компании. Если же уставное местонахождение органов компании оказывается фиктивным, не совпадающим с реальным центром его деятельности, управления и функционирования, его устраняют, чтобы заменить действительным.

Отыскание фактического местонахождения административного центра у крупных компаний, имеющих обособленные подразделения в разных странах, сопряжено со значительными трудностями. Компании, занимающиеся экономической деятельностью на международном уровне, часто имеют несколько центров, из которых осуществляется управление компанией. По этой причине практически не возможно точно определить их действительное местонахождение. Для того, чтобы точно определить фактическое местонахождение правления компании привлекаются дополнительные факты.

В Германии теория оседлости является двусторонней коллизионной нормой. Она действует в отношении юридических лиц с эффективным местонахождением административного центра как внутри страны, так и за её пределами. Теория оседлости даёт возможность контроля над тем, какие организационно-правовые формы юридических лиц допускаются на государственной территории. Именно различные концепции корпоративного права государств обуславливают необходимость использования теории оседлости.

Теория оседлости препятствует иностранному вмешательству во внутригосударственную трудовую, экономическую и социальную структуры. Если теория инкорпорации имеет целью защиту интересов учредителей компании, то теория оседлости направлена на обеспечение внутренних интересов страны, в котором действует компания. Таким образом, вопросы, охватываемые личным законом компании, деловой центр которой находится в Германии, будут решаться лишь на основании германских законов.

При господстве теории оседлости делается невозможным перенесение местонахождения правления компании из одной страны в другую (например, в Германию и из Германии). Потерю правосубъектности компании, ликвидацию её в стране происхождения и создание вновь в соответствии с законодательством принимающего государства аргументируют тем, что компания «рождается» только благодаря закону, который определяет её статус. Покидая сферу действия правовой системы одной страны в связи с переносом административ-

ного центра в другую, компания теряет первоначальную правосубъектность и соответственно перестаёт существовать.

Посредством этой теории, по мысли её авторов, должен быть предотвращён побег в иностранные правовые порядки (так называемые «правовые оазисы»), предъявляющие менее жесткие требования к уставному капиталу, регистрации, защите меньшинства участников и защите наёмных работников, а также с минимальным налоговым бременем. Следовательно, теория оседлости предотвращает обход закона по тем или иным мотивам, а также злоупотреблением правом.

Поскольку иностранное юридическое лицо с эффективным местонахождением правления на территории ФРГ рассматривается германским правом как несуществующее (недействительное), то участники этого юридического лица будут нести личную, неограниченную ответственность по его долгам. Помимо этого, такое иностранное юридическое лицо не может быть истцом и ответчиком в суде. По этой причине к юридическому лицу как к таковому невозможно предъявить иск. По мнению диссертанта, непризнание иностранного юридического лица не является адекватной мерой для защиты интересов кредиторов, участников и работников этого юридического лица.

Основной смысл теории оседлости заключается в том, чтобы по возможности предотвратить деятельность внутри страны организаций, не соответствующих требованиям данного государства по созданию подобного рода организаций. Теория оседлости является явно протекционистской теорией, которая защищает интересы национального блага страны.

В большинстве международных договоров ФРГ с другими государствами о торговле и сотрудничестве, о поощрении и защите капиталовложений закрепляется критерий эффективного местонахождения правления. Договоров, в которых используется критерий места учреждения не много. Существует также довольно большая группа двусторонних договоров ФРГ с другими государствами о поощрении и защите капиталовложений, в которых в одностороннем порядке (в отношении Договаривающегося государства, но не ФРГ) закрепляется критерий места учреждения. В отношении ФРГ в этих договорах действует критерий оседлости. Германия старается жестко придерживаться для целей определения личного закона компаний как во внутригосударственном праве, так и в международных соглашениях теории оседлости. В германском Типовом соглашении о поощрении и защите капиталовложений в отношении компаний ФРГ закрепляется критерий оседлости, а для другой Стороны Соглашения возможны различные варианты, поскольку в Типовом договоре в отношении компаний Договаривающейся Стороны не предусмотрено никаких правил.

Теория инкорпорации господствует в системе общего права, т.е. в англосаксонской и американской системе права. Теории инкорпорации придерживаются также следующие государства: Бразилия, Венгрия, Венесуэла, Вьетнам, Дания, Италия, Китай, Куба, Лихтенштейн, Нидерланды, Словакия, Чехия, Швейцария, Швеция и Эстония.

Теория инкорпорации была рекомендована для стран СНГ в качестве единого правила для определения личного закона юридического лица (см. ст. 1211

Модельного ГК для государств-участников СНГ от 17.02.1996 г.). Данное правило имеет важное значение для единообразного коллизионного регулирования вопросов определения личного закона юридического лица в СНГ. Из стран СНГ теории инкорпорации придерживаются следующие государства: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Узбекистан.

Теория инкорпорации подчиняет юридическое лицо правопорядку, в соответствии с предписаниями которого оно учреждено. Так, правомерно созданное юридическое лицо может, не теряя своей первоначально приобретённой правосубъектности, перенести местонахождение своего правления из одного государства в другое. Это, в свою очередь, ведёт к либеральной практике признания компаний.

Подчинение праву государства, в соответствии с предписаниями которого организована компания, представляет собой ярко выраженную субъективную привязку. Субъективность её проявляется в том, что учредители могут определить применимое к компании право посредством выбора уставного местонахождения, в соответствии с предписаниями которого они хотят организовать свою компанию.

Привязка по месту учреждения организации является традиционной для российского МЧП. В российском праве императивно закрепляется определение применимого права к юридическим лицам и организациям, не являющимся юридическими лицами, по критерию инкорпорации (см. п. 1 ст. 1202 и п. 1 ст. 1203 ГК РФ). Тем самым законодатель исключил возможность использования для определения личного закона иных коллизионных привязок. В международных договорах могут предусматриваться иные критерии или сразу несколько критериев определения личного закона организации.

На наш взгляд, следует обратить внимание на ст. 1214 ГК РФ, где также закрепляется критерий места учреждения. Закрепление российским законодателем нормы с таким содержанием является оправданным и целесообразным. Подчинение договора о создании юридического лица праву страны, в которой согласно договору подлежит учреждению юридическое лицо, вполне соответствует юридической логике, поскольку в соответствии со ст. 1202 ГК РФ личный закон юридического лица определяется по праву страны, где учреждено юридическое лицо.

В германском законодательстве отсутствуют нормы схожие с положениями, закреплёнными в ст. 1214 ГК РФ. В соответствии с германским правом в отношении предварительной организационной структуры с целью последующего учреждения общества (товарищества), так называемого протообщества (ещё незарегистрированного общества, *Vorgesellschaft*), и ответственности учредителей действует личный статут протообщества по эффективному местонахождению административного центра или по предполагаемому будущему местонахождению административного центра. Таким образом, протообщество охватывает такое состояние, когда договор о создании общества (товарищества) уже заключён, но само общество (товарищество) ещё не занесено в торговый реестр. Важно отметить, что германский правопорядок связывает возникновение общества (товарищества) с занесением его в торговый реестр.

Право, применимое к договору о создании общества (товарищества) будет определяться по тому же коллизионному критерию, как и личный статут будущего общества (товарищества), а именно по эффективному местонахождению административного центра протообщества или по предполагаемому будущему местонахождению административного центра общества (товарищества). Следует иметь в виду следующее: если собственная организация в виде протообщества отсутствует, и имеются только лишь обязанности сторон о создании такой организации, согласованные в предварительном договоре о создании общества (товарищества) (*Vorgründungsvertrag*), то компетентным будет статут договора.

Использование теории инкорпорации имеет большую правовую безопасность, так как критерий места учреждения является чётким, стабильным и легко распознаваемым для правоприменителя и контрагентов компании. В отличие от теории оседлости, теория инкорпорации имеет совершенно иное действие: если, принимающим государством является государство, придерживающееся теории инкорпорации, то оно решает вопрос о правосубъектности компании исходя из того, выполнены ли необходимые правовые предписания законодательства места учреждения компании, и если компания была учреждена правомерно, то она продолжает существование. Следовательно, теория инкорпорации отвечает современным условиям интернационализации экономики и интеграционным объединениям государств.

При господстве в российском коллизионном праве теории инкорпорации для определения личного закона организации становится возможным деятельность «компаний почтового ящика» на территории РФ. Это в свою очередь может иметь негативные последствия на внутреннюю экономическую стабильность российского государства.

При действии теории инкорпорации существует также такая опасность для внутренних интересов государства как отплыт капиталов за границу. При господстве теории инкорпорации становится возможным перенос юридическим лицом местонахождения своего правления. Перенесение местонахождения головных органов юридического лица российского права за границу возможно в случае, если внесены изменения в учредительные документы этого юридического лица и проведена их государственная регистрация в РФ, и законодательство иностранного государства, в которое переносится местонахождение юридического лица, не предъявляет особые требования к этому процессу. Перенос местонахождения юридического лица российского права за границу не повлечёт ни его ликвидации, ни исключения из Единого государственного реестра юридических лиц.

Также возможно перенесение местонахождения правления иностранной организации на территорию России, поскольку в ст.ст. 1202 и 1203 ГК РФ закрепляется критерий места учреждения для определения личного закона юридического лица и организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву. Специального законодательного регулирования вопроса перенесения местонахождения правления иностранной организации на территорию РФ не существует.

Критерий инкорпорации присутствует в большинстве международных договоров РФ с другими государствами о правовой помощи, торговле и сотрудничестве, поощрении и защите капиталовложений. Существует сравнительно небольшое количество международных договоров РФ, в которых своё закрепление нашёл критерий местопребывания юридического лица. В Типовом соглашении о поощрении и взаимной защите капиталовложений в отношении юридических лиц как России, так и Договоравающейся Стороны закрепляется критерий места учреждения.

В соответствии с *теорией центра эксплуатации* личный закон организации определяется по праву места осуществления основной хозяйственной деятельности этой организации. Критерий места основной хозяйственной деятельности для целей определения личного закона юридического лица закрепляется в законодательстве некоторых развивающихся стран (Египет, Индия, Тунис, Объединённые Арабские Эмираты).

Применение критерия основного места хозяйственной деятельности для определения личного закона компании является неслучайной в законодательстве развивающихся стран. Подобная практика направлена преимущественно против компаний из промышленно развитых государств, которые осуществляют свою основную хозяйственную деятельность в развивающихся странах. Развивающиеся страны пытаются таким путём подчинить эти компании в определённых пределах своему административному и финансовому контролю и государственному управлению. Данный критерий выступает своего рода средством защиты национальной экономики. Помимо этого развивающиеся государства стараются привлечь иностранный капитал для развития национального хозяйства и облечь его по возможности в соответствующие отечественные организационно-правовые формы.

Всё же критерий места осуществления основной хозяйственной деятельности является не слишком подходящим для определения личного закона юридического лица. Критерий места осуществления основной хозяйственной деятельности юридического лица трудно установить, и тем самым он неудобен в использовании. Место основной хозяйственной деятельности юридического лица может быть разноплановым, т.е. юридическое лицо может иметь следующие важнейшие основные места деятельности: хозяйственное место деятельности, производственно-техническое место деятельности, финансовое место деятельности и т.д. Помимо этого место осуществления основной хозяйственной деятельности в предприятии может часто меняться – юридическое лицо может переносить центр своей хозяйственной деятельности из одного государства в другое, что в свою очередь согласно этой теории ведёт к изменению его личного закона.

Критерий основного места деятельности встречается как в Третьей части ГК РФ, так и ВЗГГУ, а также в международных соглашениях РФ и ФРГ с другими странами. Важно уточнить, что в большинстве международно-правовых документов, а также в нормах ГК РФ и ВЗГГУ речь идёт не о критериях определения личного закона юридического лица, а об определении обязательствен-

ного статута или пределов действия соответствующих международных правовых актов.

Теория контроля определяет личный закон юридического лица по государственной принадлежности (гражданству) его участников. Эта теория должна наиболее достоверно с политической и экономической точек зрения охарактеризовать государственную принадлежность юридического лица. Порой в наши дни одних формальных признаков бывает недостаточно для определения действительной принадлежности капитала юридического лица. Для этого в законодательстве и международных договорах многих государств закрепляется критерий контроля.

В качестве основного свидетельства о контроле над юридическим лицом действует наличие у лица большинства долей в уставном капитале или большинства голосов в органах юридического лица, иначе говоря, фактический контроль над ним. В качестве свидетельства контроля выступают также полномочия на текущее руководство делами и полномочия на представительство.

Критерий контроля используется для публично-правовых целей государства, в основном в целях защиты внутренних интересов, защиты отечественного товаропроизводителя, не допущения или ограничения деятельности иностранных лиц в стратегически важных сферах экономики страны, т.е. для тех или иных целей экономической политики государства. Критерий контроля выступает в качестве предпосылки для применения определённого режима для иностранных юридических лиц. Характерной чертой применения этого критерия является индивидуальный подход к каждому конкретному случаю.

Критерий контроля для определения личного закона юридического лица не может использоваться, в противном случае это привело бы к тому, что принималось бы во внимание не правосубъектность юридического лица как такового, а лишь правосубъектность физических лиц. Понятие коллизионной привязки должно охватывать правовое единство, а не лиц, которые его контролируют. У критерия контроля отсутствует необходимая стабильность для определения личного закона юридического лица, поскольку с изменением состава капитала юридического лица изменяется и применимое к нему право. Для разрешения проблематики определения личного закона юридического лица теория контроля непригодна, потому что сфера её применения ограничена случаями войн и международных кризисов, а также специальными нормами публичного права.

Проведя сравнительный анализ законодательства и международных соглашений ФРГ и РФ, вытекает следующий вывод: существует сходство в применении критерия контроля как в РФ, так и ФРГ. Критерий контроля применяется лишь в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законодательством обоих государств. Однако в этих правовых актах речь идёт не о коллизионных вопросах определения личного закона юридического лица, а только об определении его действительной принадлежности с помощью материальных норм частного и публичного права, регулирующего правовое положение иностранных лиц внутри страны. В некоторых международных договорах РФ и ФРГ с другими странами присутствует критерий контроля. Часто критерий контроля используется не только для определения применимого к юридическому лицу права, но и

для других вопросов, например для установления определённого режима деятельности внутри страны; для предоставления определённых преимуществ; для определения понятия «капиталовложение».

Проведённое диссертационное исследование позволяет сделать вывод, что теория (критерий) инкорпорации является в коллизионно-правовом отношении более стабильной к иностранным юридическим лицам, поскольку она защищает интересы их учредителей (участников). Следовательно, критерий (теория, доктрина) инкорпорации имеет решающее значение как для современной российской экономики, так и экономики СНГ и ЕС. С этих позиций избрание российским законодателем критерия учреждения для определения личного закона юридического лица и организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, является вполне обоснованным и оправданным.

Во втором параграфе – «Модифицированные критерии (теории, доктрины) определения применимого к юридическому лицу права» исследуются нетрадиционные или модифицированные теории, которые базируются на принципе расщепления единого личного закона юридического лица и подчинения вопросов, входящих в сферу его регулирования, разным коллизионным привязкам. Причиной такого расщепления является стремление к справедливому решению в каждом отдельном случае.

В основе *теории оговорок* лежит теория инкорпорации. Право государства-места учреждения остаётся основной коллизионной нормой, охватывающей весь личный статут компании. Коллизионная привязка по эффективному месту нахождения правления принимается во внимание лишь в отношении применения императивных защитных норм в случае, если право государства-места учреждения оставляет внутренние интересы затрагиваемого государства без защиты. По мнению создателя теории оговорок П. Беренса, «императивно необходимые оговорки» (*zwingend erforderliche Vorbehalte*) в пользу права эффективного местонахождения правления необходимы в том случае, если речь идёт о преимущественной потребности в защите кредиторов, работников и участников (учредителей) компании, и если защищаемые лица требуют этого. Формулирование подобных требований государства, на территории которого находится эффективное местонахождение административного центра компании, должно быть передано судебной практике.

С первого взгляда теория оговорок подкупает своей системой применения правовых норм различных правопорядков для того, чтобы сбалансировать с одной стороны интересы защиты определённого круга лиц, а с другой - интересы свободного экономического развития компании. Всё же понятие «императивно необходимые оговорки» требует конкретизации, поскольку данное понятие не обладает достаточной степенью ясности. Это обстоятельство в свою очередь делает правоприменение сложнее, и к тому же ведёт к правовой нестабильности. Сложные проблемы адаптации могут стать последствиями смешения различных правопорядков. Следовать этой теории не представляется возможным.

Теория наложения характеризуется разделением между проблематикой учреждения и признания компании с одной стороны и личным статутом, согласно которому должны решаться внутренние и внешние отношения компа-

нии, с другой стороны. Согласно этой теории кредиторы, меньшинство участников и другие лица, которые имеют по отношению к компании непосредственный частноправовой интерес, должны иметь возможность требовать, чтобы отношения между ними и компанией, а также между самими учредителями (участниками) компании регулировались не предписаниями государства - места учреждения компании, а императивными нормами государства - эффективного местонахождения административного центра компании.

Согласно теории наложения личный статут компании определяется по праву государства-места учреждения. Компания, учреждённая за границей, будет признаваться также и внутри государства в качестве существующей иностранной компании. В случае же, если эффективное местонахождение правления находится внутри страны, то предписания права государства-места учреждения компании должны быть ограничены или «наложены» («überlagert») императивными нормами права местонахождения компании. Следствием этого является то, что предписания права государства места учреждения компании вытесняются соответствующими нормами права эффективного местонахождения её административного центра. В отличие от теории оговорки применение должны найти все императивные нормы права государства – эффективного местонахождения административного центра юридического лица.

Необходимо также упомянуть о проблемах адаптации и несовместимости как результата смешения норм (Normenmix) права места учреждения и права эффективного местонахождения административного центра юридического лица. Это ведёт к правовой нестабильности, поскольку области регулирования, которые должны быть подчинены различным правовым порядкам, не дают возможности с достаточной точностью отделить их друг от друга.

Таким образом, теория наложения (теория суперпозиции), хотя и имеющая ряд позитивных характеристик, не может быть взята в качестве единственно верной теории определения личного статута компании, которая удовлетворяла бы современным экономическим и правовым потребностям государств и их объединений.

Учение о дифференцированности. Германский исследователь Г. Грасманн полностью отказывается от основной коллизионной нормы, так как соответствующие отсылки во внутренних отношениях являются непригодными для внешних отношений, и наоборот. Вместо этого он дифференцирует внутренние отношения между участниками (учредителями) компании и внешние отношения между компанией и третьими лицами. Для этих двух сфер он предлагает разные коллизионные привязки.

Г. Грасманн обосновывает такое разделение между внутренними и внешними отношениями компании с одной стороны интересами компании, а с другой – потребностью защиты третьих лиц. Целью учения о дифференцированности является предоставление большей свободы оформления внутренних отношений участников компании и оптимальной защиты третьих лиц во внешних отношениях. Внутренние отношения компании подчиняются статуту места учреждения компании. К внутренним отношениям относятся: создание и прекращение компании; устав и его изменение; наименование компании; её орга-

ны; ведение дел и контроль, а также правовое положение акционеров. Внешние отношения компании подчиняются праву фактического местонахождения компании. К внешним отношениям относятся приобретение прав и обязанностей, объём право- и дееспособности, ответственность, формирование и сохранение капитала, полномочия органов на текущее руководство и полномочия органов на представительство.

Разграничение между внутренними и внешними отношениями во многих случаях, когда затронуты обе стороны, неизбежно приводит к кумулятивному применению многих правопорядков и тем самым к практически неразрешимым коллизиям норм и проблемам адаптации. Применение различных правопорядков, как и в случае применения теории наложения, приведёт к смещению правовых норм. Это не только не отвечает, но и в корне подрывает стабильность коммерческого оборота и правовую безопасность. Таким образом, нет оснований следовать данной теории.

Теория Видеманна (Учение о формировании групп случаев). По мнению Г. Видеманна, привязка личного статута компании должна происходить по месту сосредоточения деятельности. Компания подчиняется нормам государства, которое наибольшим образом затронуто деятельностью компании. Этот признак можно обозначить в качестве достоинства данной теории.

Согласно теории Видеманна необходимо сформировать три группы случаев с целью применения права государства, граждане которого в наибольшей степени затронуты деятельностью предприятия. Первую группу составляют компании, учреждённые в соответствии с германским правопорядком. В отношении компаний, которые организованы по внутреннему праву, германский правопорядок имеет силу до тех пор, пока компания имеет уставное местонахождение внутри страны. Ко второй группе относятся компании из государств-членов ЕС. Для компаний, учреждённых в соответствии с правопорядком одного из государств-членов ЕС, компетентным является право государства-места учреждения, по меньшей мере если их деятельность находится в фактической и долговременной связи с экономикой государства-члена ЕС.

В третью группу входят компании, которые учреждены в соответствии с правом третьих государств, т.е. правом государств, расположенных вне ЕС. Вначале необходимо выяснить, существует ли международный договор между этими двумя государствами. Если такого договора нет, то нужно дифференцировать, действительно ли эффективное местонахождение административного центра компании или место сосредоточения её экономической деятельности находятся на территории ФРГ. Если имеет место первое, то для защиты интересов учредителей, кредиторов и наёмных работников компетентным должно быть германское право. Правосубъектность, приобретённая по иностранному праву, не будет иметь значения в Германии.

В том случае, если эффективное местонахождение или место сосредоточения экономической деятельности находится в другом иностранном государстве, то необходимо выяснить, следует ли иностранное государство теории инкорпорации или теории оседлости. В случае, если иностранное государство, в котором находится эффективное местонахождение административного центра ком-

пании, придерживается теории инкорпорации, то действует право места учреждения.

Однако на практике могут возникнуть сложности при определении понятия «места сосредоточения хозяйственной деятельности» компании. Содержание этого понятия остаётся неясным, что ведёт к значительной правовой неопределённости.

К третьей группе случаев Х. Видеманн относит привязку «по фактическому местонахождению правления или по месту основной хозяйственной деятельности». Как видно здесь представлены две альтернативные привязки. Перечисление двух альтернативных привязок делает эту теорию не пригодной для применения судебным органом и ведёт к правовой нестабильности.

Учение о комбинации, разработанное Д. Циммером, кажется на первый взгляд подходящим для решения проблемы привязки личного статута компании. Также как и теория наложения оно предусматривает коллизионно-правовой метод, содержание которого состоит из комбинации элементов теории инкорпорации и элементов теории оседлости. В соответствии с учением о комбинации компания подчиняется праву, которому оно было подчинено его учредителями. В случаях расхождения места учреждения и эффективного местонахождения административного центра компании действует вышеназванный принцип, если компания обнаруживает «существенную связь с заграницей» (*substantielle Auslandsbeziehung*).

На наш взгляд проблемы, которые происходят при применении теории комбинации возникают из-за неопределённости понятия «существенные связи с заграницей». По мнению Д. Циммера, для определения понятия «существенные связи с заграницей» используются такие понятия как: обычное местопребывания участника компании; большое число деловых контактов с заграницей, базирующееся на заключённых сделках компании; наличие обособленного подразделения заграницей. На наш взгляд, эти критерии не являются решающими, поскольку они недостаточны. Все названные Д. Циммером признаки не являются подходящими для обоснования существенной связи с заграницей. Как видно, неопределённость этого термина ведёт к правовой нестабильности. Контрагенты компании не смогут определить, имеет ли компания существенные связи с заграницей или нет.

Проблематичным является также изменчивость личного статута компании. В зависимости от того, имеются ли существенные связи с заграницей, изменяется и применимое к компании право, т.е. происходит смена её личного статута. Если применять критерии Циммера на практике, то может произойти такая ситуация, что ответ на вопрос о наличии существенных связей с заграницей в течение короткого периода времени может быть разным. Итак, теория комбинации сопряжена со значительной правовой нестабильностью и для определения личного статута компании она не подходит.

Ограниченная теория инкорпорации. По мнению автора теории Г. Бейтцке, в отношении определения личного статута компании должна действовать теория инкорпорации. Теория инкорпорации должна претерпеть ограничения в случае, если эффективное местонахождение административного центра компа-

нии, созданного по иностранному праву, находится внутри страны. В этом случае судебный орган, в котором происходит регистрация компаний, или иной орган должен установить срок, в течение которого иностранная компания должна реорганизоваться согласно требованиям права этого государства. Благодаря этому достигается адаптация. При применении ограниченной теории инкорпорации принимаются во внимание интересы внутреннего правового оборота.

При использовании данной теории появилась бы возможность защиты кредиторов, меньшинства участников и работников, а также возможность обеспечить реализацию свободы учреждения и экономической деятельности компаний, закреплённой в ст.ст. 43 и 48 Договора об учреждении ЕС. Следовательно, перенесение местонахождения правления компании в другое государство также представляется возможным.

На национальном уровне законодатель должен принять соответствующий нормативно-правовой акт, который будет предусматривать обязанность иностранной компании реорганизоваться в течение соразмерного срока. В настоящий период времени подобного нормотворчества от национального законодателя государств-членов ЕС трудно ожидать. Теория Бейтцке представляет собой своего рода призыв к законотворчеству.

Выработанные германской правовой наукой различные модифицированные теории возможно в некоторой степени позволяют решить проблему совмещения внутренних интересов государства и интересов интернационализации экономики. Однако использование таких коллизионных теорий неизбежно породит не менее многочисленные проблемы. Расщепление единого личного закона юридического лица и подчинение его различным коллизионным привязкам может стать причиной неопределённости правового регулирования. Следствием применения различных коллизионных привязок будет смешение правовых норм различных правопорядков.

По мнению диссертанта, не следует подвергать единый личный закон юридического лица расщеплению, поскольку существует тесная связь между внутренними и внешними отношениями юридического лица. Связь между ними неделима, поскольку они сконструированы таким образом, что внутренние и внешние отношения взаимообуславливают друг друга.

Глава 3. «Проблемы определения применимого к юридическому лицу права в рамках Европейского Сообщества» - содержит два параграфа.

В первом параграфе – «Отсутствие единых коллизионных правил определения личного закона юридического лица в рамках Европейского Сообщества» - исследуются вопросы определения применимого к юридическому лицу права в рамках ЕС. На сегодняшний день международное право компаний является одной из тех областей МЧП, где национальный партикуляризм государств-членов ЕС проявляется сильнее всего. С не меньшими проблемами сталкивается Европейское Сообщество при попытке сформировать единый механизм определения личного закона компаний, отыскания и установления единого критерия его определения, т.е. единого коллизионно-правового регулирования частнопровового статуса компаний.

Правовой статус юридических лиц и компаний из государств-членов ЕС регулирует **Конвенция о взаимном признании компаний и юридических лиц от 29.02.1968 г.** Конвенция была принята на основе положений Договора об учреждении ЕС, а именно ст. 293.

В Конвенции закрепляется теория инкорпорации (ст. 6). Необходимо заметить, что данный документ не содержит понятия «личный статут (закон)». Так, в статье 6 Конвенции закрепляется только «право-, сделко- и дееспособность». Поскольку право-, сделко- и дееспособность юридического лица входят в сферу действия личного статута, то можно считать, что Конвенция регулирует вопрос о критерии определения личного статута юридического лица. Однако конвенция предусматривает два случая ограничения действия принципа инкорпорации.

Данная конвенция представляет собой попытку региональной унификации норм, затрагивающих вопросы признания компаний и коллизионные вопросы. Содержание Конвенции свидетельствует о значительных противоречиях государств-членов ЕС в области коллизинно-правового регулирования юридических лиц. Конвенция всё ещё не вступила в силу из-за отсутствия ратификации со стороны Нидерландов.

Конвенция не стала основой для *acquis communautaires*, которую должны были принять новые государства-члены как часть преимуществ, достигнутых в результате интеграции. По всей видимости, данная конвенция никогда не вступит в силу, - на это указывают многие европейские правоведы. Следовательно, для коллизионного регулирования юридических лиц из государств-членов ЕС она имеет относительно небольшое значение. Примечательно, что Конвенция иногда используется в судебной практике ФРГ.

В ЕС в ходе гармонизации материального права о компаниях успешно применяется вторично-правовое регулирование. Некоторые регламенты и директивы, принятые органами ЕС, содержат коллизионно-правовые критерии. Однако эти нормативно-правовые акты распространяются лишь на отдельные организационно-правовые формы компаний (например, Европейское объединение экономических интересов, Европейская Компания) или определённые предметы регулирования (например, открытие процедуры несостоятельности (банкротства); судебная подсудность; признание и приведение в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам).

Проведённый анализ вторичного права ЕС позволяет сделать вывод, что в настоящее время отсутствует единообразное коллизионно-правовое регулирование частноправового статуса компаний, а также отсутствует единый критерий определения личного закона компаний. Попытки универсальной унификации данных вопросов на уровне ЕС закончились ничем, кроме как теоретического значения соответствующие межгосударственные соглашения не имеют.

Европейская Комиссия представила проект XIV директивы о перенесении местонахождения компании со сменой применимого к компании права от 22.04.1997 г. Некоторые положения проекта в свете последних решений Суда ЕС требуют пересмотра: во-первых, проект ограничивался только регулированием капитальных обществ, т.е. обществ, основанных на объединении капита-

лов; во-вторых, он не предусматривал гармонизацию коллизионно-правовых критериев определения личного закона компаний; в-третьих, проект не разрешал давнего спора между теорией инкорпорации и теорией оседлости.

По мнению диссертанта, в проекте директивы нужно было высказаться за какую-либо одну теорию (критерий) определения личного закона компании – за теорию оседлости либо за теорию инкорпорации, - и, соответственно, против какой-либо из действующих в каждом отдельном государстве-члене ЕС доктрин определения применимого к компаниям права.

В марте 2004 г. начался процесс публичного обсуждения нового проекта директивы. Как будет выглядеть окончательный вариант Четырнадцатой директивы покажет будущее.

Во втором параграфе – «Совместимость теории оседлости с Договором об учреждении ЕС» - анализируется свобода учреждения и экономической деятельности, которая является одной из четырёх свобод (свобода учреждения и экономической деятельности, свобода на предоставление услуг, свобода передвижения трудящихся, свобода движения товаров), закреплённых в Договоре об учреждении ЕС. В центре внимания второго параграфа главы второй находится проблема соответствия теории оседлости свободе учреждения и экономической деятельности, гарантированной Договором об учреждении ЕС.

В юридической литературе указывается, что свобода учреждения и экономической деятельности является вариантом свободы передвижения, но не для физических, а для юридических лиц. Свобода учреждения и экономической деятельности компаний является одной из основ, позволяющих функционировать и существовать единому рынку. Для европейского внутреннего рынка в смысле п. «с» ст. 3 и ст. 14 Договора об учреждении ЕС или общего рынка в смысле ст. 2 Договора о Европейском Союзе является необходимым, чтобы предприятия независимо от правовых различий между государствами-членами ЕС могли выбрать место, т.е. экономически определённый выбор местонахождения, - местонахождение в зависимости от приемлемых ценовых факторов на производство, инфраструктуры и рынка сбыта в пределах всей территории ЕС.

Следствием применения теории оседлости является автоматическое непризнание иностранного юридического лица в случае расхождения между правом места учреждения юридического лица и правом, где находится эффективное местонахождение его административных органов. Невозможным становится перенесение местонахождения правления юридического лица из одного государства-члена ЕС на территорию другого, и наоборот. Юридическое лицо должно быть ликвидировано в прежней стране учреждения и пребывания, а затем вновь создано в соответствии с предписаниями законодательства другого государства (нового государства пребывания).

Вышеупомянутое действие теории оседлости наносит ущерб интеграционным устремлениям в рамках ЕС, прежде всего формированию и функционированию Общего рынка, международной торговли и конкуренции. Теория оседлости ограничивает свободу учреждения и экономической деятельности компаний, делая перемещение компаний менее привлекательным. Её значительный недостаток видится в неспособленности к интеграционным процессам.

В решении по делу «Überseering» Суд ЕС признал, что теория оседлости несовместима с положениями Договора об учреждении ЕС, когда речь идёт о перенесении фактического местонахождения компании из-за границы внутрь страны. Вопрос о непосредственном применении свободы учреждения и экономической деятельности в случае перенесения компанией местонахождения своего административного центра из одного государства в другое, т.е. перенесение местонахождения за границу («случай выбытия») остаётся пока ещё открытым.

Таким образом, Судом ЕС не был полностью установлен единый критерий определения личного закона компаний, который удовлетворял бы потребностям интеграционного объединения и не противоречил бы положениям о свободе учреждения и экономической деятельности компаний, гарантированной Договором об учреждении ЕС.

В своём решении по делу «Inspire Art» Суд ЕС чётко определил, что статьям 43 и 48 Договора об учреждении ЕС противоречат такие предписания государства-члена ЕС, которые делают зависимым использование иностранной компанией свободы на учреждение в этом государстве обособленного подразделения от определённых требований, которые предусмотрены во внутреннем законодательстве в отношении размера минимального уставного капитала при учреждении компаний и ответственности управляющих делами компаний. Решение Суда ЕС по делу «Inspire Art» имеет важное значение в отношении модифицированных теорий определения применимого к юридическому лицу права. Это решение Суда ЕС даёт возможность говорить о несоответствии таких специальных (частичных) коллизионных привязок положениям Договора об учреждении ЕС о свободе учреждения и экономической деятельности компаний.

Итак, применение теории инкорпорации ведёт к всеобъемлющей свободе учреждения и экономической деятельности компаний в рамках региональных интеграционных объединений государств. Компании государств-членов будут обладать возможностью беспрепятственно переносить своё местонахождение из одного государства-члена в другое с сохранением своей прежней правоспособности и без смены применимого к компании права.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются выводы и обобщения, высказываются некоторые рекомендации и формулируются конкретные предложения, направленные на совершенствование законодательства в области определения применимого к юридическим лицам права.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Аухатов А.Я. Характеристика научной работы по международному частному праву юриста-международника Н.П. Иванова «Основания частной международной юрисдикции» (1865 г.) // Сборник аспирантских научных работ. Выпуск 5. / Под ред. Р.М. Валеева. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 99-114.
2. Аухатов А.Я. Вклад Н.П. Иванова в отечественную науку международного частного права // Вестник ТИСБИ. – 2004. – № 2. – С. 77-91.

3. Аухатов А.Я. Расширение Европейского Союза и его влияние на право, рынок труда, социальную сферу и здравоохранение центрально-европейских и восточно-европейских государств // Вестник ТИСБИ. – 2005. – № 1. – С. 5-16.

4. Аухатов А.Я. Модифицированные теории определения личного закона юридического лица // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 2. – С. 22-26.

5. Аухатов А.Я. Интеграционные процессы в Содружестве Независимых Государств и актуальные проблемы определения личного закона юридического лица // Сборник аспирантских работ. Выпуск 6. / Под ред. Р.М. Валеева. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – С. 46-55.

6. Аухатов А.Я. Сфера применения личного закона юридического лица по российскому законодательству // Сборник аспирантских работ. Выпуск 6. / Под ред. Р.М. Валеева. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – С. 56-63.